

Б.Н. МИРОНОВ

Русская революция 1917 года в контексте теорий революции

Статья 2

В статье продолжается анализ теорий революции, начатый в “ОНС” № 2 за 2013 г. Оценивается применимость различных теорий революции (марксистской, мальтузианской, модернизационной, институциональной, психосоциальной и др.) при изучении предпосылок и причин Русской революции 1917 г. Предлагается наиболее адекватное, с точки зрения автора, объяснение ее происхождения.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., теории революции, предпосылки и причины революции, марксизм, мальтузианство, институционализм, теория модернизации.

In article the analysis of theories of the revolution, begun in “ONS” № 2 for 2013 proceeds. Applicability of various theories of revolution (Marxist, Malthusian, modernization, institutional, psychosocial and others) when studying preconditions and the reasons of Russian revolution of 1917 is estimated. The most adequate, from the point of view of the author, an explanation of her origin is offered.

Keywords: Russian revolution of 1917, theory of revolution, precondition and revolution reason, Marxism, Maltusianism, Institutionalism, modernization theory.

Психосоциальные теории революции

Революция как патология. П. Сорокин сформулировал одно из психосоциальных объяснений Русской революции: суть революции – в патологических и варварских действиях человека, свидетельствующих о полном разрыве с цивилизацией, дисциплиной, порядком и нравственностью.

Патологическое поведение оказывается реакцией на невыносимо тяжелые условия жизни и перерождается в революцию, когда ослабевшая власть утрачивает способность поддерживать порядок силой [Сорокин, 1992, с. 266–294]¹. Если эта концепция адекватна, в годы революции и годы, предшествующие ее началу, логично ожидать

¹ Близкую Сорокину точку зрения высказали П. Волобуев и В. Булдаков. Согласно ей революцию можно объяснить эскалацией социального психоза, который, как зараза, передается посредством механизма “заражения” от незначительной по численности группы психопатических лиц на огромную массу (до 20 млн человек) социально неприкаянных людей – части солдат, беженцев, депортированных, безработных, ломпенгов, пауперов, военнопленных [Волобуев, Булдаков, 1996, с. 28–38; Булдаков, 2010]. Идея о феномене “заражения” высказана еще в конце XIX в. французским социологом Г. Лебоном. Критику данной точки зрения см. [Шепелева, 2009, с. 355–365].

увеличения числа преступников, суицидентов и психически больных. Однако имеющиеся данные не подтверждают эту гипотезу.

Число осужденных общими судами в России на 100 тыс. человек населения составило в 1895–1899 гг. – 87, в 1900–1904 гг. – 86, в 1905–1907 гг. – 82, в 1908–1912 гг. – 104 [Ли, 1997, с. 121–122]. То есть в годы, предшествующие Первой русской революции и самой революции количество осужденных уменьшилось. Похожая картина наблюдалась в годы Первой мировой войны (если судить по числу следствий, поскольку сведения об осужденных отсутствуют). В 1914–1916 гг., судя по числу возникших следствий на 100 тыс. населения в восьми судебных округах, преступность была примерно на 26 процентных пунктов ниже, чем в 1911–1913 гг., в том числе в деревне – на 29, а в городе – на 6. В целом по стране снизилась частота совершения *всех* видов преступлений, а в городе незначительно (на 5 пунктов) возросло лишь число краж (на 100 тыс. населения). Вряд ли столь существенное уменьшение преступности можно объяснить только уходом миллионов здоровых мужчин в армию, ибо упала также преступность женщин и детей, не подлежавших мобилизации. Показательно существенное (на 34 пункта) сокращение числа государственных преступлений. В 1916 г. обнаружился небольшой рост преступности по сравнению с 1915 г. (в целом – на 12 пунктов, в деревне – на 11, а в городе – на 19 пунктов), главным образом, за счет краж, разбоев и грабежей. Но уровень 1913 г. все равно не был превзойден: в 1916 г. в целом по стране преступность была на 24 пункта ниже, в деревне – на 28, а в городе – на 3 пункта ниже, чем в 1913 г. [Тарновский, 1918, с. 98, 104, 109]. И это притом, что за время войны, к лету 1916 г. под влиянием массовых переселений крестьян (солдат, их семей, беженцев) в города, доля городского населения увеличилась с 15,3% до 17,4% или на 2,1% [Предварительные... 1916, с. 624–625].

Сведения о преступности за 1917–1919 гг. не введены в научный оборот (возможно, они вообще не сохранились). Но данные за 1920–1924 гг. свидетельствуют о ее скачке после революции: число осужденных в 1921–1924 гг. относительно 1911–1913 гг. возросло в три раза – с 883 до 2964 на 100 тыс. [Миронов, 2003, т. 2, с. 85; Лунеев, 1997, с. 56–57] и превысило современный, за 2006–2009 гг., весьма высокий уровень преступности, в 1,4 раза.

По уровню самоубийств в пореформенное время Россия занимала предпоследнее место в Европе [Лихачев, 1882, с. 177–181; Миронов, 2003, т. 2, с. 416; Новосельский, 1910, с. 623]. С 1870 по 1910 г. коэффициент самоубийств изменялся циклически при общей повышательной тенденции; пик приходился на 1891–1895 гг., затем произошло снижение. Важно отметить, что суицидальность росла только среди горожан, в то время как в деревне после незначительного подъема в 1880–первой половине 1890-х гг. она понизилась и в начале XX в. вернулась к уровню 1819–1825 гг. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. коэффициент самоубийств понизился в 1905–1906 гг. и стал расти только с 1907 г., после ее окончания, достигнув максимума к 1913 г. (подсчитано по [Отчет... 1878–1898; Отчет... 1906–1916]).

Во время Первой мировой войны, если судить по Петрограду, Москве и Одессе, коэффициент самоубийств снизился в 2,8–3 раза [Тарновский, 1926, с. 192–193; Статистический... 1921, с. 101], а с 1918 г. стал расти и в целом по стране в 1923–1926 гг. превзошел довоенный уровень в 1,5 раза (5,6 против 3,7 на 100 тыс. человек). Для сравнения, в 1989 г. коэффициент самоубийств в Российской Федерации был в 5,9 раза выше, чем в 1912 г. (25,8 на 100 тыс. человек), в 1994 г. – в 9,5 раза (41,8 на 100 тыс. человек), в 2008–2009 гг. – в 6,6 раза (29 на 100 тыс. человек) (Труд, 2 февраля 2009). В 2000–2009 гг. по уровню самоубийств Россия занимала одно из первых мест в Европе.

Сведения о распространении психических расстройств также не подтверждают психосоциальную гипотезу происхождения русских революций. Представление об изменении их числа дают данные о пациентах психиатрических больниц. В 50 губерниях Европейской России с 1886 по 1913 г. число больных увеличилось в 5,2 раза (с 16 774 до 87 206), на 100 тыс. – в 3,4 раза (с 21 до 72) (подсчитано по [Отчет... 1878–1898; Отчет... 1906–1916]). Однако в 1905–1907 гг. не наблюдалось взрывного роста числа пациентов.

Страдавшие психическими расстройствами, согласно переписи 1897 г., превышали по численности лечившихся в больницах в 2,6 раза. В 50 губерниях Европейской России с 1901 по 1914 г. число пациентов в клиниках росло, но по абсолютному значению оставалось незначительным. Если его умножить на 2,6, то число всех душевнобольных в стране могло составить 234 тыс. (187 на 100 тыс. человек). Это намного меньше, чем в любой европейской стране в конце XIX–начале XX в., и в 10–30 меньше, чем в советской и постсоветской России. В Российской Федерации в 1989 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 2656 тыс. человек или 1799 на 100 тыс. человек [Охрана... 1990, с. 44, 46–47], а на 2010 г. – 6 млн или 5598 на 100 тыс. человек, то есть в 10 раз и 30 раз больше, чем в 1913 г. [Чуркин, Творогова, 2011; День... 2011].

Учет лиц с психическими расстройствами во время войны не производился, многие больницы закрылись или перепрофилировались (может быть, не было нужды?). В мае 1919 г. решением Совета Народных Комиссаров содержание всех психиатрических больниц было принято на государственный бюджет, в них в тот момент насчитывалось лишь 16 тыс. человек [Ястребов].

Влияние революций на психическое здоровье активно обсуждалось в специальной литературе. Мнения разделились. Современный исследователь истории психиатрии констатирует: “Этиологическая связь между революционными событиями и развитием душевного расстройства не выявлена” (цит. по [Юрьева, 2002, с. 173]). Причем вопрос о влиянии распространения психических расстройств на развитие революционного движения даже не ставился: речь шла исключительно о воздействии революции на психику людей. Таким образом, понижение числа преступлений и самоубийств и стагнация или незначительное увеличение числа психических расстройств во время войны и накануне и во время революций не дает оснований связывать происхождение революционных событий с ростом числа людей, склонных к патологическому поведению.

Теория относительной депривации. Среди психосоциальных теорий наиболее популярна *теория относительной депривации*, делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями социальных групп и индивидов [Гарр, 2005]. Между прочим, и теория конфликта указывает на относительную депривацию как на важнейшую причину социального конфликта [Козер, 2000]. Именно *относительная депривация* наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре и невысокой производительности труда. “Повышенные ожидания” замечены в крестьянской и рабочей среде, у духовенства и в наибольшей степени у “белых воротничков” [Burds, 1998, р. 181–182; Володин, 2009, с. 147; Скутнев, 2009, с. 143]. Благосостояние росло медленно, а ощущение неустраенности – быстро, оставляя все меньше возможностей для мирного урегулирования отношений работодателей и работников, общества и государства. С 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных – на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., то есть было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей [Миронов, 2012, с. 670–671].

Институциональная концепция революции

В. Мау и И. Стародубровская предложили и обосновали институциональную концепцию революции. Выдвигая на первое место экономические процессы, она учитывает также политические, социальные и культурно-психологические факторы

[Стародубровская, Мау, 2004, с. 27–50, 65–68, 417–456]. В основе социальных сдвигов лежат изменения общественных институтов – законов, правил, норм, а также традиций, верований и т.п. Основоположник теории Д. Норт определяет институты как “правила игры” в обществе: “Институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом... Они состоят из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их” [Норт, 1997, с. 19]. Но в варианте теории Норта основной акцент делается на эволюционном развитии, так как институты изменяются долго, медленно и постепенно. Резкие, революционные скачки остаются на периферии внимания исследователей – революции рассматриваются как внешний фактор, способный в какой-то степени повлиять на развитие институтов, но не как внутреннее порождение самой институциональной системы в ее взаимодействии с другими факторами развития общества [Норт, 1997, с. 116–118]. Мау и Стародубровская адаптируют институциональную теорию для объяснения революции.

Утверждение в обществе новых институтов всегда происходит долго, болезненно и противоречиво, так как в прежней структуре существуют институциональные отношения, препятствующие гибкому приспособлению социума к новым условиям. Они называются *встроенными ограничителями*. “Экономические ограничители – это такие экономические формы и отношения, которые либо совсем не способны реагировать на изменение экономических условий, либо реагируют на них совершенно неадекватно. Наиболее очевидные примеры – средневековая цеховая система в городах и общинные отношения в деревне” [Стародубровская, Мау, 2004, с. 34].

Социальные ограничители включают в себя различные формальные и неформальные механизмы, затрудняющие горизонтальную и вертикальную мобильность. Они препятствуют приведению в соответствие реального экономического и общественного положения и формального статуса индивидов и социальных групп, а также изменению статуса в соответствии с новыми экономическими возможностями и потребностями. Например, сословная система, крепостное право и его пережитки, гендерная дискриминация, юридические запреты на занятие гражданской и военной службой. *Политические* ограничители – это законы и обычаи, исключающие возможность, с одной стороны, “в рамках легальных политических механизмов сменить господствующий режим и его политический курс”, а с другой – “обеспечить политическое представительство новых экономически влиятельных кругов, дать им институциональные возможности защиты собственных интересов” [Стародубровская, Мау, 2004, с. 34]. *Психологические* ограничители – стереотипы, оставшиеся от традиционного общества в экономической, политической, культурной и религиозной сферах, препятствующие трансформации старой культуры. Например, широко распространенные в массах представления о божественном происхождении монархии могут препятствовать снятию политических ограничителей и демократизации общества. Представления о греховности работы в праздники, ссуды под процент или стремления к прибыли могут блокировать развитие буржуазной трудовой этики, кредитных учреждений и предприятий капиталистического типа.

Преодоление ограничителей по общему правилу происходит в ходе реформ “сверху”. Общество, вступившее в эпоху преобразования институциональной системы, становится социально нестабильным, другими словами, попадает в “зону риска”. Если мирный эволюционный путь проходит успешно, с его окончанием общество выходит из “зоны риска”. Если же нет, то происходит революция, разрушающая насильственным путем мешающие развитию ограничители и тем самым открывающая дорогу утверждению новой институциональной системы.

Революционная ситуация складывается постепенно. Как ни парадоксально, ей, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. Мау и Стародубровская также подчеркивают, что “революции не характерны для стабильного общества, в котором отсутствуют динамичные изменения. Они неразрывно связаны с феноменом экономического роста. Причем предпосылки революций могут сформироваться

не в любой момент, а лишь на особых переломных этапах”, названных ими “кризисами экономического роста” [Стародубровская, Мау, 2004, с. 418]. Интересно отметить, что согласно концепции Н.Кондратьева, наибольшее число социальных потрясений приходится именно на периоды повышательной волны каждого большого цикла [Кондратьев, 1989, с. 225; Рязанов, 1998, с. 52–69; Полетаев, Савельева, 2009, с. 13–161].

Таким образом, именно *быстрый экономический рост* является *важнейшей предпосылкой революции*, и подобная зависимость “характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции в период ранней модернизации” [Стародубровская, Мау, 2004, с. 36]. Зависимость между экономическим ростом и социальной нестабильностью в обществе обуславливается двумя причинами.

Во-первых, динамичное экономическое развитие подрывает основы традиционной социальной структуры, ведет к масштабному перераспределению богатства и возникновению новых экономически значимых социальных сил. Во-вторых, экономический прогресс и вызываемая им фрагментация общества приводят к резкому ослаблению государственной власти в стране [Стародубровская, Мау, 2004, с. 42–43, 46, 420]. Но социальная фрагментация общества и ослабление государства делают революцию возможной, но не обязательной. Например, Ч. Тилли только в Европе насчитал 707 революционных ситуаций за 500 лет (1492–1991 гг.), при этом настоящие социально-политические революции произошли лишь несколько раз, хотя имелось немало примеров, когда правительство было свергнуто или временно лишено власти [Tilly, 1993, p. 243]. Требуются дополнительные факторы, превращающие революции в реальность. Это могут быть: (1) крупное военное поражение или неудачная кровопролитная война; (2) суровый экономический кризис (ибо экономический рост имеет циклическую природу и никогда не проходит гладко); (3) сочетание того и другого.

По мнению Мау и Стародубровской, Русская революция 1917 г. по своим основным характеристикам не имеет принципиальных отличий от более ранних европейских. Вследствие большого значения экономического фактора в ее происхождении, революция является экономико-политическим, а не чисто политическим процессом. Бесперспективно искать один универсальный фактор, объясняющий предреволюционный кризис, – будь то экономический или политический. Во время революционных ситуаций общество сталкивается с целым комплексом проблем, требующих кардинальных изменений в механизмах его функционирования. “Причины, ход и результаты революции 1917 года можно объяснить одновременным резким обострением трех групп противоречий. Во-первых, это противоречия, типичные для периода ранней индустриализации, они отражают сложности преобразований в огромной крестьянской стране и диктуют необходимость того или иного, но достаточно радикального, решения аграрного вопроса. Во-вторых, это противоречия догоняющей индустриализации в отсталой стране. Они требуют мобилизации финансовых ресурсов, активного перераспределения ресурсов из традиционных отраслей хозяйства в новые промышленные сектора экономики. Наконец, в-третьих, это противоречия, связанные с тем, что кризис ранней модернизации в России наложился на формирование предположительно кризиса зрелого индустриального общества. И этот фактор в стране, достаточно далеко продвинувшейся по пути индустриализации, не мог не сказаться на формах предреволюционного кризиса” [Стародубровская, Мау, 2004, с. 100].

На мой взгляд, институциональная концепция удачно синтезирует все вышеперечисленные концепции революции и хорошо объясняет происхождение Русской революции 1917 г. Бурный экономический рост и всесторонняя трансформация российского социума создали высокий накал социальной напряженности в обществе и ввели страну в зону риска. Реформы “сверху” устраняли один за другим мешавшие модернизации ограничители, встроенные в традиционную институциональную систему (круговую поруку, мещанские общества и цехи, передельную общину, сословные ограничения социальной мобильности, монополию коронной бюрократии и самого монарха на власть, ущемлявшие гражданские права законы), и тем самым создавали возможность *избежать революции*.

Поскольку смена институциональных систем – длительный, болезненный и противоречивый процесс, для выхода из зоны риска требовалось значительное время – хотя бы лет двадцать, как говорил П. Столыпин, социального покоя. Но этому помешала война, нарушившая эволюционный путь развития. Тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослабление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью – кризис “старого режима”; установление власти “умеренных”; победа радикалов, создающих “царство террора и добродетели”; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура.

Революции в ракурсе модернизационной парадигмы

Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное. Согласно теории, модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главные признаки модерна – индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Именно они фиксируются в России в имперский период. Социально-экономический и политический строй, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. и реформы 1905 г. (в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, развивавшиеся гражданское общество и правовое государство), обеспечивал хорошие возможности для всестороннего прогресса России. Для полного успеха нужны были только время и мир. Это сознавали не только такие видные российские государственные деятели, как, например, С. Витте и П. Столыпин.

Улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности [Tiryakian, 1985, p. 131–147]. Поскольку в период империи благосостояние народа росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки. Возникает неизбежный вопрос: как неоспоримые успехи страны совместить с увеличением в эти годы недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности, с широким развитием рабочего, крестьянского и всякого рода протестных движений, в конечном итоге приведших к революции 1917 г.?

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено немало подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и целых социальных групп, не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. Периоды активной деятельности по совершенствованию социальных структур и институтов сменяются периодами усталости или самоуспокоенности, сопровождаемыми лишь слабыми попытками обновления. “Осовременивание” различных сфер общественного организма может осуществляться далеко не синхронно, порой за счет других, что должно приводить к противоречиям, напряжениям, несоответствиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. Модернизация ведет к обострению национального вопроса в многонациональных государствах. Все это имеет одно неизбежное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем, как ни парадоксально, существует прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью; чем успешнее модернизация, тем, как правило, выше конфликтность².

² Некоторые современные историки также видят предпосылки революции в слишком быстрой модернизации экономики, не сопровождающейся адекватными изменениями в менталитете [Коротаев, 1998, с. 16; Зориков, 1997, с. 5–6].

Россия не стала исключением. Российская модернизация проходила под флагом европеизации, а точнее – вестернизации. С XVIII в. человек, семья, собственность, экономика, общество и государство в целом развивались от патриархальности к модернизму во взаимной обусловленности, благодаря секуляризации индивидуального и массового сознания, рационализации и легализации социальных и политических отношений, коммерциализации экономики, централизации и интеграции управления. Однако социальные, экономические и культурные изменения в разной степени затрагивали разные регионы и этносы, город и деревню, а также различные социальные группы.

Например, отмена крепостного права была благом для большинства крестьян, но злом для большинства помещиков, в результате чего отношения между этими двумя группами становились более напряженными. Сельское хозяйство развивалось медленнее промышленности, вследствие чего диспропорция между ними увеличивалась: с 1900 по 1913 г. чистый прирост производства (с учетом инфляции) в первом секторе составил 33,8%, а во втором – 62,7% [Tiryakian, 1985, p. 131–147]. Развитие буржуазных отношений стимулировало возникновение антикапиталистического этоса среди всех слоев населения. Среди интеллигенции разных политических ориентаций были распространены антибуржуазные настроения. Она опасалась, что капитализм уничтожает традиционные ценности и высокую мораль, усиливает эксплуатацию, разрушает социальный уклад в деревне, порождает класс корыстных стяжателей, лишенных культуры и гуманности [Миронов, 2003, т. 2, с. 317–325]. Столыпинская реформа была буржуазной по сути, но ее проведение обострило социальные отношения в деревне и усилило антибуржуазные настроения среди большинства крестьян, недовольных разрушением общинного строя.

Модернизация способствовала превращению сословий в классы – и это был прогрессивный процесс. Однако сами люди в большинстве своем предпочитали сохранение сословной структуры. Дворянство – ради сохранения своих привилегий; купечество – из-за страха потерять лицо, смешавшись с массой мелких лавочников и ремесленников; духовенство – потому что опасалось конкуренции, а крестьянство знало: в любых бессословных организациях оно все равно окажется внизу.

Становление классовой структуры на первых стадиях усиливало социальную рознь. Вестернизация затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние; западные регионы (и, соответственно, этносы, в них проживающие) – сильнее восточных, город больше деревни, столицы – интенсивнее остальных городов. Наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме повышения социальной и межэтнической напряженности, девиантности, конфликтности, насилия, преступности. Все это приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (агряриями и промышленниками), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами и, конечно же, делало процесс модернизации болезненным и трудным.

Серьезным негативным последствием модернизации в России стал социально-культурный раскол общества: оно буквально распалось на образованное меньшинство, принявшее вестернизацию, и народ, который в быту в большинстве своем продолжал придерживаться традиционных ценностей допетровской Руси³. В свою очередь, и тонкое европеизированное меньшинство не было единым с точки зрения системы ценностей, политических ориентаций и социальных идеалов. Оно раскололось на либералов, радикалов, консерваторов и охранителей, предлагавших различные модели

³ Впрочем, и капитализм нес столь же глубокий раскол общества, но на другом основании. Как сказал Б. Дизраэли (1804–1881) – писатель, финансист и дважды премьер-министр Великобритании о бедных и богатых в своей стране: “Две нации, между которыми нет ни связи, ни сочувствия; которые также не знают привычек, мыслей и чувств друг друга, как обитатели разных планет; которые по-разному воспитывают детей, питаются разной пищей, учат разным манерам; которые живут по разным законам... Богатые и бедные” [Высказывания... 2007].

решения социальных, экономических и политических проблем, стоявших перед Россией. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем усиливались [Миронов, 2003, т. 2, с. 264–270, 289–291]⁴.

Самые благодетельные структурные реформы имели противоречивые последствия и не встречали всеобщего одобрения. Отмена крепостного права вызвала недовольство как помещиков, так и крестьян, хотя проведена была компетентно и предельно аккуратно [Миронов, 2011]. Необходимая и целесообразная столыпинская реформа не нашла поддержки у большей части крестьянства и породила новые противоречия в деревне: между приверженцами общины и теми, кто хотели из нее выйти (полюбовно ее покинули лишь 27% крестьян) [Миронов, 2003, т. 1, с. 481–484]. Политическая реформа 1905 г., которую так жаждала общественность, ее не удовлетворила и оставила равнодушным подавляющее число крестьян и рабочих. Государство и земства поощряли развитие грамотности, но чем образованнее становился народ, тем сильнее росли его запросы и тем нетерпимее он относился к низким доходам, социальной неполноценности, несправедливости и неравенству. Например, грамотность одного из самых беспокойных социальных элементов – рабочих, была выше среднего по стране уровня и росла быстрее [Миронов, 1991, с. 82].

Индустриализация, проводимая при поддержке правительства, плодила недовольных среди аграриев, желавших, чтобы финансовый дождь проливался на них, а не на промышленников. Кроме того, она сопровождалась высокой степенью концентрации производства, в результате чего политическое значение рабочих – самой криминализованной, политизированной и недовольной части населения – стало намного превышать их долю в населении. Урбанизация создавала социальную напряженность как в городе (между горожанами и мигрантами), так и в деревне (между отходниками и остававшимися дома, между молодым и старшим поколениями). Попытки фабричной администрации добиться роста производительности труда посредством усиления трудовой дисциплины не нашли понимания у рабочих, спровоцировав их на выступления против введения нового трудового распорядка и последовавшего за ним усиления контроля. Ломка стереотипов в массовом сознании рабочих, не привыкших ежедневно трудиться с равным напряжением, создавала огромное социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию [Миронов, 1999, с. 243–286; Hogan, 1983, p. 163–190].

Таким образом, эскалация протестных движений во второй половине XIX–начале XX в. свидетельствовала не о понижении качества жизни и не о кризисе социума или государства (в смысле его неспособности эффективно управлять страной), как часто полагают историки. Рост протеста стал результатом прогрессивных социальных изменений в обществе: предоставления экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, утверждения идей законности, пробуждения чувства личности и стремления отстоять свое достоинство, невероятного прежде увеличения потребностей и ожиданий.

* * *

Ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции

⁴ На трудности модернизации и порождаемых ею проблемах неоднократно указывали исследователи: [Гетрелл, 1992, с. 182–187; Грациози, 2001; Саккоротти, 2002; Gatrell, 1986, p. 1–28, 231–234; Gaudin, 2007; Haimson, 2005; Kotsonis, 2004, p. 531–577].

к модерну. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное, проведение потребовало больших издержек и даже жертв, например со стороны помещиков, у которых государство принудительно экспроприировало землю, хотя и за компенсацией. Это привело к лишениям и испытаниям для отдельных групп россиян и не принесло равномерного благополучия сразу и всем. Велики оказались и побочные негативные последствия модернизации – увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях – от самоубийства до социального и политического протеста. Необыкновенный рост всякого рода протестных движений порождался, с одной стороны, дезориентацией, дезорганизацией и социальной напряженностью в обществе, с другой – полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью, с третьей – несоответствием между потребностями людей и объективными возможностями экономики и общества их удовлетворить.

Конфликт традиции и современности можно назвать системным кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, – как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспособляться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. “Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, – это признак здоровья” [Ортега-и-Гассет, 2005, с. 123]. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца.* Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только ее возможность. Но именно она стала реальностью в силу особых обстоятельств – военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция. Новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6.
- Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009.
- Высказывания, цитаты и афоризмы Дизраэли. 2007 (<http://www.wisdoms.ru/pavt/p83.html>).
- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- Гетрелл П.* Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992.
- Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.
- День психического здоровья: тюменцы перестали бояться психиатров? // Интернет издание “NewsProm.Ru”. 10.10.2011 (http://www.newsprom.ru/Obschestvo/131822768118098/Den_psihicheskogo_zdorovja_tjumency_perestali_bojatsja_psihiatrov.html).
- Зориков А.Н.* Криминальная обстановка как результат и фактор социальной мобильности России в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
- Козер Л.А.* Функции социального конфликта. М., 2000.
- Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
- Коротаев В.И.* Революция 1917 г.: авантюра или закономерность? // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.
- Ли Д.А.* Преступность как социальное явление. М., 1997.
- Лихачев А.В.* Самоубийство в Западной Европе и России: опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882.
- Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. М., 1997.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М., 2012.
- Миронов Б.Н.* История в цифрах (Математика в исторических исследованиях). Л., 1991.

- Миронов Б.Н.* Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы // Экономическая политика. 2011. № 3, 4.
- Миронов Б.Н.* “Послал Бог работу, да отнял черт охоту”: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003.
- Новосельский С.А.* Очерк статистики самоубийств // Гигиена и санитария. 1910. Т. 1. № 9.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005.
- Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за [1876–1895] год. СПб., 1878–1898.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за [1902–1914] год. СПб; Пг., 1906–1916.
- Охрана здоровья в СССР. Статистический сборник. М., 1990.
- Полетаев А.В., Савельева И.М.* “Циклы Кондратьева” в исторической ретроспективе. М., 2009.
- Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916.
- Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
- Саккоротти Л. П.А.* Столыпин. Жизнь за царя. Катанзаро, 2002.
- Скутнев А.В.* Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.
- Сорокин П.А.* Социология революции // *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Стародубовская И.В., Мау В.А.* Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2004.
- Статистический ежегодник 1918–1920 гг. В 2 вып. М., 1921.
- Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. Т. 5. № 1–4.
- Тарновский Е.Н.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности. М.–Л., 1926.
- Чуркин А.А., Творогова Н.А.* Распространенность психических расстройств в России в 2009 году // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2011. №1 (<http://www.medizdat-press.ru/journals/archive/94/32768/36333>).
- Шепелева В.Б.* Россия, 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009.
- Юрьева Л.Н.* История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев, 2002.
- Ястребов В.С.* Организация психиатрической помощи // Общая психиатрия (http://www.psychiatry.ru/book_show.php?booknumber=28&article_id=101).
- Burds J.* Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998.
- Gatrell P.* The Tsarist Economy: 1850–1917. London, 1986.
- Gaudin C.* Ruling Peasants Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007.
- Haimson L.* Russia’s Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. New York, 2005.
- Hogan H.* The Reorganization of Work Processes in the St. Petersburg Metalworking Industry. 1901–1914 // Russian Review. 1983. Vol. 42.
- Kotsonis Y.* “No Place to Go”: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76.
- Tilly Ch.* European Revolutions. 1492–1992. Oxford–Cambridge, 1993.
- Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt. Boulder, 1985.